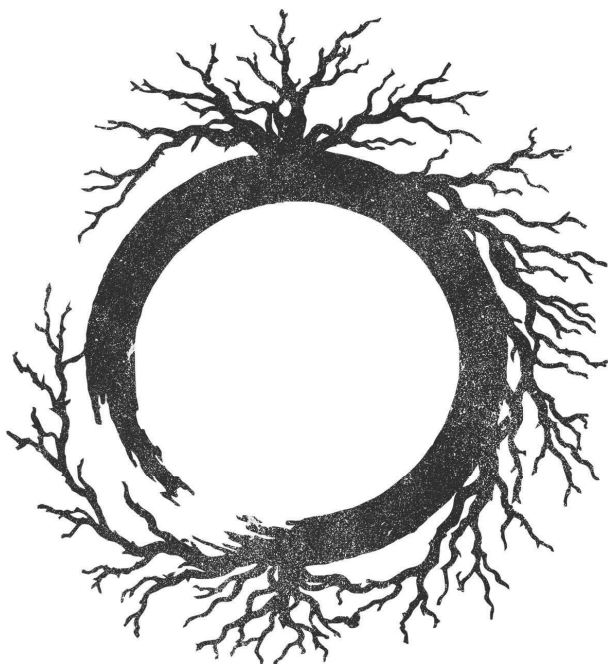

Андрей Санин

Эхо
Безмолвного
края

RUGRAM

Москва, 2026

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
С18

Санин, А.

С18 Эхо Безмолвного края / А. Санин. — М. : RUGRAM, 2026. — 340 с. — (Отклики Безмолвия).

ISBN 978-5-517-13974-0

На Безмолвном краю мира, где реальность застыла в немом ужасе, раздалось эхо древней силы.

Альтерис Веллор — позор великого рода. Его фамильяр — безликий Пепел. Юноша сослан на Границу, где Тишина пожирает мир.

Альтерис понимает, что Тишина — не стихия. Она жива. Она голодна. И она зовет его.

Орден Резонантов, культ Квиетистов, отец — открывают охоту.

Ученый-еретик Элиас ван Мор понимает: исчезновения древних родов, пробуждения Тишины и появления аномалии Альтериса — части одной мозаики. И чтобы остановить распад мира, им придется объединиться. Но как победить то, что уже стало частью мироздания?

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-13974-0

© Санин Андрей, 2026
© Санин Андрей, Хромцова Мария,
оформление, 2026
© RUGRAM, 2026

ПРОЛОГ

Он любил эту долину. Мартин пас здесь овец всю жизнь — он мог пройти её с завязанными глазами, чувствуя каждую тропу подошвами. Утро выдалось идеальным. Птицы пели, на паутинках сверкала роса, а с гор тянуло свежим, хвойным ветром. Пастух медленно раскурил трубку и замер, почти не двигаясь. День обещал отдых его старым костям — особенно после затяжных дождей, что начались в середине листобая и закончились лишь вчера. Мартин сжал покрепче гладкое дерево своего посоха, на котором за годы вырезал замысловатые узлы и голову первого вожака стада — упрямого барана по имени Туман.

Он уже собрался свистнуть своему псу, отошедшему к ручью, когда заметил впереди, в сотне шагов, косяку. Она замерла в прыжке. Не в испуге, не пригнувшись для бегства — а будто навечно застыла в воздухе. Одна нога была вытянута для толчка, голова приподнята. Так и повисла в метре над землёй — жутким, невозможным изваянием.

Мартин застыл, не веря своим глазам. Птицы смолкли. Разом. Не постепенно — а будто кто-то обрубил невидимый канат, на котором держались все звуки. Стих ветер. Прекратился шелест листьев. Наступила тишина, от которой заложило уши, будто на большой глубине. Только не было давления воды — было давление *ничего*.

Он сделал шаг вперёд, и волосы на его руках встали дыбом. Пространство перед ним застыло и стало плотным.

Воздух перестал быть невидимым — он стал ощутим, как стена из прозрачного стекла, и каждое движение требовало усилий, будто он толкал незримую, неподатливую массу. Мартин посмотрел на траву у своих ног: она была зелёной и живой. Но в двух шагах впереди... она была серой. Безжизненной. Неподвижной. Ни один стебель не колыхался.

А потом он увидел, как Тишина поползла на него. Это было не похоже на туман. Скорее, на невидимую стену, за которой мир превращался в подобие картин, что продавались на главной площади Вардена. Цвета блекли, звук умирал, движение застывало. Маленькая стрекоза, кружившая в лучах солнца, застыла навеки.

Пастух отшатнулся. Сердце забило в груди, будто испуганная птица, рвущаяся из клетки. Он опустил взгляд и увидел: край холщового рукава, на мгновение коснувшийся невидимой границы, стал пепельно-серым. Цветом пыли на забытой в углу картине. Страх сковал горло. И тут он почувствовал... абсолютное, плотное ничто. Оно вдавливалось в барабанные перепонки и высасывало тепло из кожи. Он почувствовал саму Тишину. Не отсутствие звука, а его гибель.

С криком, что увяз в плотном воздухе, Мартин рванулся прочь. Забыл про упавшую трубку. Про больные колени. Про посох в руке, с которым не расставался годами. Он бежал, не оглядываясь, с одним лишь диким, животным ужасом.

А позади, в сердце цветущей долины, оставался идеальный, безмолвный кусок не-бытия. Кусок мира, забывший, что он — живой.

ОТКЛИК
ПЕРВЫЙ: И НЕЙ
НА ПЕПЛЕ

Акт I: Печать Изгнания

ГЛАВА 1. ФАЛЬШИВАЯ НОТА

Если бы можно было уместить весь ад в одном звуке, это был бы гул арены Веллоров. Он входил в тебя через подошвы, вибрировал в костях, вытесняя все мысли, кроме одной: «Не подведи».

Я шёл по раскалённому песку, стараясь не выходить из сияющего следа, который оставлял мой старший брат. Кассий двигался так легко, будто парил над землёй, на два шага впереди. Он улыбался толпе, и с каждым взмахом его руки в небе взрывались новые фонтаны пламени. Рыжие волосы Кассия пылали, словно языки пламени. Он был воплощением нашего дома — Дома Огня. Истинный потомок древнего рода Веллоров и будущий Доминар.

Я был его тенью.

Сжимая ладони, я пытался уgomонить ледяную тяжесть в груди. Знакомый мерзкий холодок начинал шевелиться, словно встревоженный зверёк, сковывая дыхание. Мой фамилльяр. Не Феникс, как у отца и брата. А просто... Пепел... Но с гордым именем — Градаль. Тяжелая, ледяная глыба, которую я носил в себе с самого Ритуала. И сейчас, встревоженный буйной магией Кассия, он ворочался и ёрзал.

Я не называл его по имени. Для меня он так и оставался просто Пеплом.

«Уймись, — мысленно приказал я сжимающемуся в груди сгустку холода. — Просто посиди смирно. Как всегда».

— А теперь, брат Альтерис, — Кассий обернулся, и его улыбка была ослепительной и безжалостной, — помоги мне завершить «Танец Солнца»!

Мышцы ног разом ослабели. Это была ловушка. Вежливая, публичная казнь. Кассий прекрасно понимал, что я не смогу ему «помочь». Мой бесполезный фамильяр был способен лишь на слабые помехи чужой магии. И всё. Позор рода Веллоров. И сейчас об этом узнает вся Империя.

Всё это — идея отца, не иначе. Я был в этом уверен — готов был голой рукой погладить плащеноску, если ошибался. Толпа ликовала, а Кассий с насмешкой смотрел на меня. На Турнир Фамильяров собралась, пожалуй, вся Империя. Но отказаться я не мог. Кивнув, я сделал шаг вперёд. Поднял руку, подражая жесту брата, и попытался изобразить сосредоточенность. И отчаянно молился, чтобы ничего не произошло. Под сердцем забился ледяной вихрь, бессильный и яростный, а по телу разлилась волна холода, завязывая внутренности в узлы.

Кассий сгрёб в ладонях весь жар арены, весь восторг толпы. Между его руками родилось маленькое ослепительное солнце. Оно росло, пожирая воздух, и рёв толпы достиг апогея. Это была та мощь, взглянуть на которую съезжались со всех уголков Империи. Она была страшной и завораживающей одновременно. Я и сам замер, любясь силой, которая мне никогда не станет доступна. «Проклятый Градаль! Взялся на мою голову», — успел я подумать, не обращая внимания на растущую тяжесть в груди.

И в этот миг холод внутри сжался, будто вобрав в себя весь воздух вокруг.

Ослепительный шар в руках Кассия дрогнул. На его лице ярость сменилась недоумением, а затем — паникой. Он изо всех сил пытался удержать плазму, но свет её мерк. Затем шар резко погас. Вернее, не погас — а утонул, словно его поглотила невидимая пучина. Раскалённый воздух с громким хлопком и шипением свернулся внутри себя. На арене воцарилась тишина, куда более оглушительная, чем предыдущий гул.

Тысячи глаз впились в меня. И в пустоту, где только что пылало солнце. Тогда я увидел его. На алтаре, где Кассий проводил ритуал, на камне, что должен был быть оплавлен, лежал тонкий, узорчатый иней.

Подняв глаза, я встретился взглядом с отцом. Ардин Веллор стоял в своей ложе. Никакой ярости, никаких криков. Только плоская, безраздельная пустота разочарования.

Пепел в груди притих. Никчемный фамильяр оказался к тому же опасным. Впервые за всё время он проявил себя — и как! Испортил Ритуал, на глазах у всех. Грандиозное событие, готовившееся почти год, было сорвано. Весть об этом разнесётся по всей Соластре, а авторитет отца окажется подорван. Доминар Ардин Веллор такого не прощает. Даже своему непутёвому отпрыску.

Я стоял, чувствуя, как вместе с дымом от проваленного ритуала растворяется всё, что называл своей жизнью. Остался только пепел. Внутри. И снаружи.

Акт I: Печать Изгнания

ГЛАВА 2. ВОЛЯ ДОМИНАРА

В комнате стояла тишина. Три дня. Ровно столько, сколько требовалось отцу, чтобы взвесить все последствия и принять решение. Сегодня я услышу приговор. Воздух вокруг был спёртым и густым, пропахшим пылью и ожиданием. Мысли, наконец, устали метаться, расселись на ветке сознания и затихли. Почти.

Первое время после турнира в голове всё кружилось, как вихрач в песчаной ловушке. Бежать. Или упасть в ноги отцу. Спрятаться в родовом погребе — еще одной гордости Доминара. Впрочем, гордостью отца было здесь всё. От вилок на кухне до гобеленов в зале. Всё, кроме меня.

Мой фамильяр тоже словно забился в самый тёмный угол — его почти не было слышно.

«Пепел, ты здесь? — мысленно позвал я. — Градаль?»

На последнем слове в груди ёрзнуло знакомое холодное шевеление. Ах, вот оно что. Мы больше не хотим быть Пеплом. Отныне мы — исключительно Градаль.

«Ты доволен? Повеселился на арене? — я почувствовал, как раздражение поднимается по горлу. — Чего молчишь?»

Ответа, конечно, не последовало. Да он и не мог ответить.

Взгляд, скользя по моей комнате, зацепился за детали, будто я прощался со всем этим. Узкая стрельчатая